2. Arbitrato CAM: le statistiche 2017. URL: https://www.camera-arbitrale.it/it/news/arbitrato-cam-le-statistiche-2017.php?id=810> accessed 25 November 2019.
3. Silvestri E. 'Too Much of a Good Thing: Alternative Dispute Resolution in Italy' (2017) 21 Netherlands-Vlaams Tijschriftvoor Mediation en Conflict management. 29.
4. 'Arbitrato CAM: le statistiche 2017', *supra* note 3.
5. Alpa G. Arbitration and ADR Reforms in Italy. 2018. 29 European Business Law Review 313.
6. Milone N. Arbitration: The Italian Perspective and the Finality of the Award. 2011. 1 Oñati Socio-Legal Series <https://ssrn.com/abstract= 1986040> accessed 25 November 2019.
7. Draetta U. Italy as a Place for International Arbitrations: The Myths of the Italian Torpedo, the Irritual Arbitration et Alia. *International Business Law Journal.* 2013. 159.
8. Giovannini T. and Renna V. The Italian Experience Of Arbitration And The Arbitration Rules Of The Chamber Of Arbitration Of Milan: A Parallel View. 2010. URL: https://www.camera-arbitrale.it/Documenti/giovannini-renna_2010_ita_experience_arbitration.pdf (accessed 25 November 2019).

Received: 12/01/2020
Accepted: 30/01/2020

Е. Сільвестрі, доктор права, проф.
Університет Павії, Павія, Італія

ІТАЛІЯ: АРБІТРАМ ТУТ НЕ МІСЦЕ?

Назва роботи, окрім того, що пов'язана назвою з фільмом братів Коен, дає чітко зрозуміти: Італія не є гостинним середовищем, якщо йдеться про популяризацію арбітражу. Статистичні дані свідчать, якщо вони є доступними, то стосуються, головним чином, інституціонального арбітражу (емпіричні дані насправді не оновлюються, єдине всебічне узагальнення АДР в Італії було проведено у 2016 р.; у цьому році загальна кількість арбітражних процедур, виконаних приватними та державними установами, досягла 708 (784 у 2015 р.) і можна вважати оманливим, принаймні певною мірою, оскільки офіційно нічого невідомо про феномен adhoc-арбітражу, який, мабуть, є дуже популярним, але не враховується під час проведення узагальнення. У будь-якому випадку метою статті є окреслити причини, чому арбітраж все ще залишається елітарним методом урегулювання спорів, загалом – як ми бачимо – для комерційних спорів.

Ключові слова: цивільний процес, арбітраж, урегулювання спорів, цивільні та господарські спори.

Bulletin of Taras Shevchenko National University of Kyiv.
Legal Studies, 2020; 1 (112): 51-57
УДК: 34(091)
DOI: https:doi.org/10.17721/1728-2195/2020/1.112-10

ISSN 1728-2195
© Taras Shevchenko National University of Kyiv,
Publishing center "Kyiv University", 2020

И. Сороковик, канд. ист. наук, доц.
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Республика Белорусь

И. ДАНИЛОВИЧ – ПЕРВЫЙ ДЕКАН ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА КИЕВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Посвящено известнейшему ученому-юристу первой половины XIX ст., первому декану юридического факультета Киевского университета Святого Владимира профессору Игнату Николаевичу Даниловичу (1788–1843). Автор из разрозненных сведений постарался комплексно раскрыть его научно-педагогическую деятельность. Несмотря на недоверие к нему со стороны имперской власти, он стал родоначальником научного исследования права Великого Княжества Литовского, продолженного позже украинскими, русскими и белорусскими учеными.

Ключевые слова: И. Данилович, Вильно, Харьков, Петербург, Киев, Москва, наука, университет, юриспруденция.

Вступление. Чтобы лучше осмыслить настоящее и спрогнозировать будущее, необходимо хорошо знать прошлое. Такое утверждение не новое. Однако история свидетельствует о том, что многое из прошлого мы не знаем, или знаем недостаточно по разным причинам. В гуманитарных науках это происходило, бывает и сейчас, во многом из-за советского классового подхода, идеологических и политических взглядов руководства СССР. Ныне в гуманитарных науках нет однозначного отношения к нашему прошлому. Или мы все отрицаем, что было в советский период истории, или все поддерживаем. Имеется и взвешенный подход. Автор придерживается последнего. Ученый должен стремиться объективно исследовать избранную тему, несмотря на свое мировоззрение и свои предпочтения. Это не так просто осуществить, так как мы вольно или невольно придерживаемся определенных идеолого-политических взглядов.

Не случайно наш знаменитый земляк, известнейший отечественный юрист, тонкий ценитель источников права профессор Игнат Николаевич Данилович (по польски – Ignacy Daniłowicz) писал, что "в Истории стократно более заслуживает благодарность тот, кто издает в мир старые акты и Летописи, нежели тот, кто составляет Историю по готовым книгам. Скольких избежали бы ошибок, если бы все рукописные Летописи и акты народов были напечатаны; сколько заменили бы они собою лучшая ненужных, обременяющих письменные столы Ученых" [1, с. 114]. И это естественно, так как познание права, как и других сфер жизнедеятельности людей, невозможно без знания источников права. Вот почему Игнатий Николаевич практически всю свою жизнь посвятил выявлению, сбору, обработке, печатанию и объяснению письменных источников права. Прежде всего, именно за это мы и должны быть ему глубоко благодарны.

Актуальность темы. Исследование о жизнедеятельности профессора И. Даниловича в целом и о первом декане юридического факультета Киевского Императорского университета в частности не нашло должного рассмотрения в историко-правовой науке. Имеются отдельные эпизодические материалы в Интернете, в работах некоторых авторов. Ссылки на отдельных из них будут в этом материале, но они не дают комплексного представления об этом удивительном ученом и гражданине. Поэтому автор будет ссылаться в своем большинстве на работы непосредственно И. Даниловича. Исследование темы позволит лучше осмыслить развитие юридической науки в первой половине XIX в.

Изложение основного материала. Чтобы лучше понять, за какие достижения и почему именно он стал первым деканом юрфака Киевского университета, следует познакомиться с его жизнедеятельностью. Родился И. Данилович 30 июля (10 августа) 1788 г. в

© Сороковик И., 2020

Подляском воеводстве. Начальное образование получил под руководством своего дяди священника-пиара, продолжил в Ломжинской пиарской школе, Белостокской гимназии.

Примечательно, что из этих этнически белорусских земель происходила целая плеяда будущих студентов и профессуры Вильнюсского университета, который стал центром белорусской национальной духовности. Игнатий Онацевич, например, родился в Малой Берестовице; Михайло Бобровский – в Вольцы; Игнатий Данилович – в Грыневичах Больших, что под Бельском Подляском; Иосиф Ярошевич (единственный из них мещанин) – в Бельске Подляском; Платон Сосновский – в Клещелях. Все они были сыновьями униатских священников.

Дело в том, что после разделов Речи Посполитой небольшая часть Беларуси не подчинялась ни Польши, ни России. Это была Белосточчина, которая по третьему разделу отошла к Пруссии, и находилась там по 1807 г., пока по Тильзицкому миру от 25 июня 1807 г. не была передана Российской империи. Именно в среде белостокских униатских священников и светских лиц и сформировался центр белорусского национального движения. В округе, в которой проживали десятки тысяч униатов, прусские власти не запрещали деятельность 70 униатских церквей и 3 монастырей, самостоятельной супральской униатской епархии со своим капитулом и духовной семинарией. Подляские священники сдерживали давление со стороны римско-католической церкви и с помощью созданных при их приходах церковных братств боролись за возрождение "русинской" (белорусской) культуры и создавали школы (Что Галиция для Украины, то, правда, в меньшем значении, Белосточчина для Беларуси).

Будущие вильнюсские профессора получили среднее образование в немецких школах, в том числе и в Белостокской гимназии, все выпускники которой в свое время попали в Вильнюсский университет на отделение моральных и политических наук (М. Бобровский и П. Сосновский в главную духовную семинарию, И. Данилович и И. Ярошевич – на юристику).

Сыновей униатских священников в университете клеймили прозвищем "паповичы" и они рано поняли, что только успехами в науке смогут добиться признания со стороны богатых коллег и преподавателей. Напряженная работа, большой интерес к истории права и государственности своего Отечества дала положительные результаты. Игнат Николаевич в 1812 г., в 24 года, получил степень магистра. С 1814 г. стал читать местное (литвинское) право в Вильнюсском университете. В свободное от преподавания время посещал архивы и библиотеки родного края, а также Варшавы, Санкт-Петербурга и Москвы для сбора источников права Великого Княжества Литовского. Примечательно, что в этом деле молодому преподавателю активно помогали студенты, доставляя ему многие рукописи из культовых зданий, особенно из монастырей. Как активный исследователь памятников права прошлых времен, И. Данилович с 1821 г. являлся членом "провинциального комитета" в Вильнюсе для подготовки исправленного издания Статута ВКЛ, а с 1822 г. – членом профессорской комиссии для подготовки нового русского перевода Статута ВКЛ. Но это дело не было доведено до конца.

Не менее успешно работали и его друзья по малой родине. Они стали хорошо известными учеными. И. Данилович и М. Бобровский получили профессорские звания в 1823 г., П. Сосновский, И. Ярошевич и И. Онацевич – в 1827 г. [2, с. 10–11].

Однако работа в Вильнюсском университете продолжалась недолго. Царской власти удалось раскрыть деятельность тайных студенческих обществ "филоматов" и "филаретов", в которые были втянуты и некоторые преподаватели. И. Данилович в числе профессуры был уволен и ему было запрещено работать в так называемых "присоединенных территориях". Учитывая высокий педагогический и научный профессионализм, его отправили подальше от этих территорий, в 1825 г. он был назначен профессором российского и местного права Харьковского университета.

Именно на этот период приходится издание его известнейших сейчас капитальных работ, над которыми он много времени работал в Вильнюсском университете: "Statut Kazimierza IV, pomnik z XV wieku uchwał litewskich" (Wilno, 1826 – "Устав Казимира IV, памятник литовских ухвал с XV века"), а также "Latopisiec Litwy i Kronika ruska" (Wilno, 1827 – "Летописец Литвы и Хроника русска"). Первый нормативный правовой акт был найден им в известнейшей библиотеке графа М. П. Румянцева (1754–1826). Рукописный текст не был разделен на статьи. Однако при последующей публикации на русском языке в "Хрестоматии по истории русского права" известный исследователь истории права профессор Н. Владимирский-Буданов назвал этот источник права "Судебник Казимира 1468 г." и разделил его на 25 статей. В таком виде "Судебник" и дошел до нас. Значимость для науки этого нормативного акта заключается в том, что он стал первой попыткой систематизации норм права в общегосударственном масштабе Великого Княжества Литовского и показывает эволюцию в развитии его письменного права.

Среди исследователей не существует взаимопонимания насчет того, правовым памятником какого народа он является и на какую территорию он распространял свое действие. Одни исследователи считают его памятником белорусского права, вторые – русского, третьи – литовского. Одни ученые склонны считать его общеземским привилеем, действующим на территорию всего государства (М. Любавский, Н. Максимейко, Ф. Леонтовича и др.), вторые (В. Матеевский) – действующим на территорию современной Беларуси, третьи (С. Борисенок, И. Лаппо) – на земли современной Литвы, четвертые (И. Кацель, П. Старостина) – изначально на территорию современной Литвы, а затем и на всю территорию ВКЛ [3, с. 94–96, 108]. Последняя точка зрения представляется более правдоподобной.

Второй источник права, известный под его именем, был найден Игнатом Николаевичем на Белосточчине, как он сам свидетельствует, следующим образом. Профессор Т. Чацкий считал, что русские рукописи Первого Литовского Статута совсем потерялись. И. Данилович стал искать их, успел открыть и описать три русских экземпляра. Во время этих поисков ему и попалась в руки неизвестная тогда первая, как он утверждал, чисто литовская летопись. Она сохранилась в библиотеке Супрасльского монастыря базилиан. Ее переписывал 6 октября 1520 г. Григорий Иванович по приказу князя Симеона Ивановича Одинцевича.

И. Данилович пронумеровал 341 страницу летописи и переписал для себя. В ней имеются следующие выделения: "избрание летописания изложено в кратце; летописень Великих Князей Литовских; дела Подолья; рассуждение о правосудии, и перевод русского Статута Казимира Великого 1447 г.; рукопис Патерика" [1, с. 101, 102].

Первые три летописи под названием "Opisanie bibliograficzne dotąd wiadomych rękopismow i

drukowanych exemplarzow Statutu Litewskiego" ("Библиографическое описание до тех пор известных рукописей и печатных экземпляров Литовского Статута") Данилович напечатал отдельно в "Виленском Дневнике" ("Dziennik Wilenski") в 1823 г. А после его отъезда в Харьков ее перепечатал, как отмечает сам Игнатий Николаевич, Г. Антон Мартиновский в Вильно (1827) под названием "Летописец Литвы и Хроника Русская, стараниями и трудами Игнатия Даниловича" [1, с. 103].

Однако харьковский период жизнедеятельности, который в научном плане был весьма успешным, плодотворным, неожиданно как начался, так и окончился. Особый след в научной деятельности будущего первого декана юридического факультета оставила его напряженная работа над кодификацией права западных губерний для Свода законов Российской империи. В концентрированном виде это видно из записки главного редактора Свода законов, статского советника профессора Игнатия Даниловича на имя М. Балугьянского. Она называется "Состояние трудов по Своду Законов возвращенных от Польши Губерний с Июля 1830 по 1-е Сентября 1835 года" от 30 августа 1835 г., выявленной в Российском государственном историческом архиве и опубликованной белорусским литературоведом А. И. Федута в документальной повести о Франтишке Малевском [4, с. 303–309]. Малевский, к слову, принадлежал к "филоматам", был выслан на юг Украины, а затем переведен в Петербург. Он также работал, но только над польской частью этого Свода. Записка свидетельствует, что 15 апреля 1830 г. в 18:30 по высочайшему повелению И. Данилович был вызван и командирован из Харькова в Петербург во II Отделение Собственной его Величества Канцелярии для работы над Сводом Законов возвращенных от Польши губерний. Дело в том, что Николай I поручил М. Сперанскому (1772–1839) осуществить кодификацию нормативных правовых актов империи за последние 180 лет. Для этого специально и было создано Второе отделение имперской канцелярии во главе с бывшим ректором Санкт-Петербургского университета М. Балугьянским. М. Сперанский же стал главноуправляющим. Подготовка Свода законов требовала знания не только непосредственно российского законодательства, но и таких автономных частей империи, как Финляндии, Польши, а также бывшего Великого Княжества Литовского, остзейских губерний, их языков. Лучшего же знатока законодательства ВКЛ, чем И. Даниловича не было. Об этом частично сказано в начале этого материала.

Игнат Николаевич Данилович со своими помощниками работал над "Сводом местных законов западных губерний" (официально – "возвращенных от Польши губерний", словно это были коренные российские территории). Их предполагалось включить в Полное собрание законов империи. Игнат Николаевич разделил местные законы западных губерний условно на две части: одна была посвящена судоустройству и судопроизводству, вторая – брачно-семейным отношениям, нормам гражданского права.

Работавшим с ним редакторам необходимо было не только ознакомиться с огромным массивом российского законодательства с 1772 г., но и раскрыть изменения, из-за которых подверглось влиянию законодательство занятых после 1772 г. территорий как общих законов империи, так и особенно издаваемых для западных губерний. При этом разработчикам следовало учитывать структуру и систему российского Свода законов, который уже имелся в 1830 г., и адаптировать к нему местное законодательство. Трудности в работе были связаны и с тем, что значительная часть задействованных в законодательстве источников относилась к XIV–XVI вв., а предварительных исследований о них не имелось. Большая часть из них была написана на языках того времени, прежде всего на польском и старобелорусском. Более того, источники состояли из польских, малороссийских, русских, а также нормативных правовых актов Великого Княжества Литовского, изданных в разное время, разными государствами и на разных языках. Поэтому обработка текста подвергалась многочисленным изменениям.

После восстания 1830–1831 гг. начался ряд важнейших изменений в законодательстве для Западного края. И они не могли не войти в состав Свода Законов. Поэтому необходимо было снова переделывать готовые уже части, исключать или исправлять отмененные статьи, согласовать противоречия. Но еще больше изменений необходимо было внести в связи с появлением в 1833 г. полного печатного Свода Российских Законов. В связи с этим Данилович писал, что "раскрытие целого объема общих в Империи Законов, в том числе относящихся к казенному и Полицейскому управлению, заставило подвергать многие главы новому рассмотрению. Самый также новый план, принятый в Своде Российских Гражданских Законов, служащий за образец для Польского Свода, требовал изменений прежней, а иногда и вовсе новой Редакции" [4, с. 304].

Сложность работы заключалась и в том, что надо было адекватно переходить с латинской терминологии на российскую. В связи с этим пришлось перемещать не только отдельные статьи, но и целые главы, осуществляя консолидацию. Вновь были переработаны "Книга о состояниях г. Илличевским, Книга о семейственных отношениях, имуществах и договорах г. Малевским, о судоустройстве г. Ордынским, наконец, главы: о дарах, завещаниях, наследстве, рядных записях и разделах, а также целая книга о Судопроизводстве мною самим" [4, с. 304].

В подготовленных для кодификации актах нашлось место и законодательству, которое действовало на территории Украины. В частности, И. Даниловичем были собраны "сведения о Магдебургских и Хельминских Правах, действующих в Малороссии", дано "подробное обозрение прав и привилегий города Киева на 60 листах" [4, с. 303].

Подводя итог выполненного многосложного и трудного задания, сам Игнатий Николаевич считал, что подготовленный "Свод Польских Законов … имеет некоторые важные преимущества… Польза от него состоит в том, что в нем тщательно очищены законные источники от разнородной смеси; … прояснены различия Литовских и Коронных источников действующих издревле в разных частях Западных Губерний, столь неправильно смешиваемых в практике и за ее примером даже в последних Указах Сената; разбросанные по разным местам и годам отрывистые, а потому неудобопонятные законоположения, совокуплены и размещены по приличным местам; подчинена вся разнообразная и раздробительная масса Узаконений одному началу, т. е. удаление всего потерявшего обязательную силу; наконец, внешняя его форма соглашена с системой Свода общих в Империи Законов" [4, с. 305].

Некоторые считают, что более чем пятилетний труд И. Даниловича с его коллегами над Сводом местных законов западных губерний стал напрасным, так как после восстания 1830–1831 гг. действие законов ВКЛ было отменено. Но это не точно. Во-первых, эта работа была напечатан в 1836 г., а в 1910 г. перепечатана, хотя и не получила силу закона. Во-вторых, Статут ВКЛ 1588 г., к примеру, действовал по 1840 г. Вместе с тем,

необходимо иметь ввиду и то, что некоторые положения законодательства Княжества были внесены в Свод законов империи и имели правоприменение в судах на территории Беларуси, Украины, Литвы вплоть до 1917 г.

Для нас важно то, что профессор И. Данилович за время работы в комиссии Сперанского смог углубить диапазон и глубину своих знаний не только применительно к законодательству Беларуси и Литвы, но и Украины, собрать новый материал для своих последующих исследований; приобрел неоценимый практический опыт правотворческой деятельности. Его, несомненно, использовал в педагогической и научной деятельности. Он стал маститым ученым.

Не случайно, что с 1835 г. новым местом своей деятельности для него стал Киевский императорский университет Святого Владимира, учрежденного годом ранее на основе Кременецкого лицея с Волыни, а чуть позже – и медицинского факультета Вильнюсского университета. И. Данилович был назначен профессором уголовного права, а также стал первым деканом только что открытого юридического факультета университета. Читал он лекции и по местному праву. Здесь его судьба свела с профессором К. Неволиным (1806–1855), с которым они были знакомы по Второму отделению. Сложно сказать, кто был инициатором приезда Константина Алексеевича в университет, но факт остается фактом о их прежнем знакомстве. И. Данилович уже имел профессорский опыт преподавания в Вильнюсском и Харьковском университетах, а К. Неволин только начинал его приобретать. Да и научная деятельность первого превосходила второго. Возможно, это и повлияло на то, что И. Данилович стал деканом факультета. К. Неволин же стал читать лекции по энциклопедии права и учреждений Российской империи; затем стал ректором университета. И. Даниловича же как неблагонадежного "поляка" поставить на должность ректора не решились. Имперская власть хорошо помнила деятельность подпольных организаций "филоматов" и "филаретов", а еще больше – восстание 1830–1831 гг.

Одновременно с преподавательской и административной деятельностью в качестве декана Игнат Николаевич много времени придавал исследованию истории источников права ВКЛ.

На это время приходится его работа "Обозрение исторических сведений о состоянии свода местных законов западных губерний", направленная во II отделение. Она была переиздана в 1910 г. Петербургским университетом. Ему принадлежит описание рукописных и печатных экземпляров Статута ВКЛ, подготовка первого издания Статута ВКЛ 1529 г. (в 1841 г. опубликовано А. Делинским в "Сборе литовских законов ...").

В монографии "Исторический обзор Литовского законодательства", изданной в 1837 г., И. Данилович проанализировал историю развития права в ВКЛ. Первым из исследователей попытался выяснить его источники, их связь с древнеславянским и западноевропейским законодательством, подчеркнул самобытный характер литовско-белорусского права. На его взгляд "Русская Правда" являлась памятником городского права, поскольку не охватывала всех сторон народной жизни в раннефеодальный период.

На киевский период приходится и его работа, над которой он трудился и ранее, "О Литовском Статуте" (1838). Некоторыми сведениями из нее мы пользуемся и сейчас. В ней автор останавливается кратко на всех трех Статутах, подчеркивая положительную тенденцию в развитии законотворчества в Великом Княжестве Литовском. Изначально уделяется должное внимание работам профессоров Т. Чацкого и С. Линде о Литовском Статуте на русском языке. Особенно он солидарен с С. Линде, который в работе "О Литовском Статуте, изданном и опубликованном на русском языке" (1816), сравнивает Статут на русском языке с польскими переводами, отмечает в них даже самые мелкие, умышленные или неумышленные ошибки, которые давали другое содержание закона. И. Данилович считает, что "Статут был с умыслом переведен превратно". И объясняет почему: "так как русский подлинник оного писан более в монархическом духе, от чего и не мог быть приноровлен к республиканскому правлению Польши: посему-то на Короне, как называли поляки, Статут и не действовал, а там, где он имел законную силу, как то в Литве, на Волыни, в Белоруссии и Малороссии, польские законоведцы употребляли превратный перевод, по собственным видам" [5; 4, с. 377]. В этом предложении встречаем и выражение "Белоруссия" с большой буквы, хотя, как известно, Россия не представила ей даже территориально-культурной автономии. Однако практически повсюду И. Данилович больше использует термин "Литва", а не "Беларусь".

Автор отмечает, что Первый Статут, набросок которого сделан еще в 1505 г. при короле Александре, как считают некоторые ученые, стал использоваться с того времени в Малороссии. Поэтому, на его взгляд, "Статут, в коем многие постановления заимствованы из Русского быта, первоначально был составлен для Малороссийского края, сохранившего, некоторым образом, и в самом Законодательстве Отечественный дух и Русскую самостоятельность". В 1522 г. король Сигизмунд I принял решение эти письменные узакония распространить на всю Литву, которые и были утверждены в 1529 г. [5; 4, с. 378].

Затрагивает он и вопрос насчет всех Статутов. По тем временам и даже позже некоторыми исследователями считалось, что Литовские Статуты – это три редакции одного Статута. Точного своего отношения к этому И. Данилович не высказывает, но из работы видно, что это три отдельные Статуты, которые, безусловно, имеют преемственность в законоположениях: следующий впитывал все то лучшее, что имелось в предыдущем. По его мнению, Статут Сигизмунда I был дважды исправлен и дополнен: первый раз на Бельском сейме 1564 г., второй – на Варшавском сейме 1566 г. Именно редакция последнего утверждена Сигизмундом Августом для Волыни и Подолья, и известна под названием Волынского Статута, или Статут Сигизмунда Августа, а по времени принятия – Вторым Статутом. В свою очередь Волынский Статут был также дополнен и окончательно уже в 1588 г. утвержден [5; 4, с. 380, 381]. Такой ход его размышлений.

Правомерно и его замечание о том, что "после 1588 г. польским правительством не давалось позволение на печатание Статута по-русски", потому что оно имело "целью сделать польский язык в судопроизводстве повсеместным" [5; 4, с. 383].

Однако задержаться в Киеве долго не пришлось из-за польских волнений. И. Данилович считался властью поляком, к которым было политическое недоверие, и поэтому в 1839 г. был направлен в Московский университет на кафедру законов благоустройства и добропорядочности, на которой читал лекции по местному праву западных губерний. В следующем учебном году он перешел на кафедру гражданских законов Царства Польского. И здесь продолжал активно заниматься научной деятельностью. В работах ученого "О литовских летописях" (1840) и "Сообщение об истинных литовских летописцев" (1841), над которыми он трудился ранее, в том числе и в киевский период, было продолжено нау-

чное исследование белорусско-литовского летописания и в них убедительно доказано, что белорусы и литовцы уже в XIV в. имели свое летописание. Тем более, что в одной из летописей сказано, что она, эта летопись, есть уменьшенная часть прежних. Значит, были и до 1394 г. Поэтому правомерно его заключение, и необоснованная мысль немецкого историка Августа Людвига Шлёцера о том, что "нет и не было летописей, старше XV или XVI века" [1, с. 106].

Рассматривая летописи, автор более подробно останавливается на вопросах отцовства первого великого князя Литовского Миндовга. Возмущается тем, что Стрийковский, найдя в них Рингольда, отца Миндовга, но "не привел ни одного более достоверного о нем свидетельства; от чего и само существование этого мнимого отца Миндовга становится довольно сомнительным". И объясняет свою позицию тем, что и Волынская летопись, и известные русские летописи молчат об этом. Только Никоновская летопись свидетельствует о том, что отцом Миндовга был Мавковда, а не Рингольд, как у Стрийковского. Но поскольку летопись "написана во времена Сигизмунда I, то свидетельство ее о языческом крещении Миндовга, должно признать сомнительным" [1, с. 81, 87, 89, 90, 99]. При этом проявляется его научная корректность: "Если Рингольд в звании Миндовгова отца находится в других и источниках, то я охотно откажусь от моего пирронизма. Будучи убежден, что сомнения в каком-либо предмете всегда ведут к открытию истины, с этою единственно целью я помещаю здесь мои вопросы о Рингольде" [1, с. 100].

В 1841 г. И. Данилович издал работу "Взгляд на Литовское законодательство и Литовские статуты". В ней подытожил ранее совершенное и высказал ряд новых положений, что способствовало лучшему пониманию развития права в ВКЛ. Он считал, что до принятия Ягайло христианства и возведения его на польский престол не было и даже не могло быть в Литве письменных законов. Связано это с тем, что она представляла собой множество мелких, независимых уделов, как Русь и Польша в то время. Они возглавлялись удельными князьями по их воле и мнению без всяких законов [6; 5, с. 1]. По существу, они руководствовались обычным правом, одной из черт которого являлся партикуляризм. Такое положение сохранилось и при Гедимине, который "хотел основать Литовско-Русское самодержавное государство". При нем территория государства увеличилась в несколько раз. "Не довольно крепкое соединение этих княжеств, – признает И. Данилович, – он поддерживал мерами правосудия и справедливости. При нем русский язык сделался языком Двора и дипломатии". Автор объясняет, почему во времена Гедимина не могло быть общегосударственного законодательства: "но как князья литовские и русские держались каждый обычаев, преданий и законов предков, то потому Гедемин не мог дать для всей Литвы одного общего законодательства" [6; 5, с. 4]. Известно, что нормы обычного права широко использовались даже и через два столетия, в том числе и в Первом Статуте ВКЛ. При Гедимине не могло быть общего законодательства и потому, что Княжество охватывало не только земли Литвы, но и белорусские, имело хорошие отношения с Польшей и восточными славянскими княжествами, а границ между ними в современном понимании слова не существовало. Поэтому на территории ВКЛ "при развитии и борьбе различных законоположений: литовских, русских и польских, – правомерно отмечает И. Данилович, – не было возможности помыслить о составлении стройного *свода законов* (выделено И. С.)" [6; 5, с. 5]. Примечательно, что в 1323 г. Гедимин даровал Вильне немецкие законы, однако по тому времени они не смогли укорениться: элита и население города не были подготовлены к их правоприменению.

При Ольгерде территория Литовского государства еще больше увеличилась, простиралась от Балтийского до Черного моря, была составлена из разнородных этнических, социально-экономических и административно-территориальных частей, но связанных единой властью. При таком положении "и подумать даже не было возможно о единообразном, стройном и прочном законодательстве". Поэтому "каждая страна управлялась собственными обычаями" [6; 5, с. 7].

Положение с развитием законотворчества начинает меняться при Ягайло после заключения Кревской унии. Это дало возможность И. Даниловичу заключить о том, что при нем и его преемниках "действовали законоположения литовские, польские и русские" [6; 5, с. 8].

Заслуга ученого перед историко-правовой наукой заключается и в том, что он первым дал классификацию нормативным правовым актам ВКЛ, разделив их на общегосударственные ("целому государству Литовскому"), областные, городские, а также для духовенства и по "отдельным предметам и надобностям" [6; 5, с. 9–12]. К первым относил те, которые выдавались при возведении нового князя на литовский трон, начиная от привилея Ягайлы от 20 февраля 1387 г. и завершая привилеем Сигизмунда II от 8 декабря 1506 г. Как пример областных привилеев, приводил их для Жемойтии (Самогитии), Дрогиченской и Витебской земель. Примером придания городам Магдебургского права стали Вильнюс, Полоцк, Минск, Витебск, Смоленск, Киев. Состояние развития законодательства государства И. Данилович определяет и по нормативным актам, которые издавались для духовенства и по различным отраслям права.

Исследуемые акты позволили исследователю подытожить, что в течение одного столетия страна "успела ознакомиться с польскими установлениями и обычаями, испытала их превосходство и неудобства в исполнении, позаимствовала все хорошее, развила собственные и русские обычаи". На этой основе Сигизмунд II решил "привести литовские законы и обычаи в одну целость стройного *свода или Статута* (выделено И. С." [6; 5, с. 12]. Выделенный мной термин "*свод*" не случаен, поскольку в научной литературе долгое время существовал спор ученых по поводу классификации статутов: это закон, конституция, кодекс или какое-то другое название. В конечном итоге в конце XX в. пришли к заключению, что Статут – это свод законов. Однако первым, как видно, это определил И. Данилович более чем полтора века назад.

Игнат Николаевич впервые дал общую оценку Статута ВКЛ 1529 г. как исключительно важного памятника права, в котором, как в зеркале, отразилась эпоха и история народа. Для его подготовки королем была утверждена комиссия из ученых, духовных и светских законодателей, имена которых неизвестны. Он первый отметил, что этот нормативный правовой акт написан на "простонародном литовско-русском наречии" [6; 5, с. 16, 34].

И. Данилович анализирует Статуты ВКЛ, впервые дает состав Статутовой комиссии по подготовке третьего из них. Однако не соглашается с Т. Чацким насчет участия коронных законодателей в этом деле. Не согласен с ним и в том, что редактором его был Лев Сапе-

га. По его заключению, он "был только главным блюстителем, написал предисловия и подносил Статут королю на утверждение". Затем Статут был представлен Варшавскому сейму 1588 г. и утвержден Сигизмундом III. По поручению Л. Сапеги и за его счет он был напечатан в типографии Мамоничей. Такое заключение сделал и профессор И. И. Лаппо [7, с. 472-473].

Заслуживает внимания его рассуждение насчет совершенства и несовершенства законодательства, сущность понятий которого относительна; отдельных норм гражданского, обязательственного, наследственного, брачно-семейного и других отраслей права, а также садоустройства и судопроизводства, которые заложены в Статуте ВКЛ 1588 г. Автор одновременно рассматривает и влияние римского, канонического права на литовское законодательство. Одновременно отметил: в "Статуте Литовском находится много Славянского и истинно Русского", хотя он и не определил "что именно и в какой мере", предоставив это право ценителям русского права [6; 5, с. 39, 41–42, 46].

Примечательно, что многие положения автора были позже поддержаны и развиты некоторыми российскими исследователями, особенно известным русским ученым по истории государства и права ВКЛ профессором, академиком И. И. Лаппо (1869–1944).

В "Сокровищнице грамот" (т. 1–2, 1860–1862), опубликованной после смерти И. Даниловича, он описал, пересказал содержание и частично опубликовал около 2500 различных письменных источников по истории ВКЛ. По заключению В. Чамерицкого, И. Данилович мечтал о возрождении литовско-белорусского государства и языка Статутов ВКЛ [8; 7, с. 576].

Однако долго активно поработать в Москве ему не пришлось. Политическое недоверие, частая смена мест работы, вхождение в новые научные и профессорско-преподавательские коллективы, постоянная активная научная и педагогическая деятельность – все это сказалось на здоровье Игнатия Николаевича и в возрасте практически 55 лет, 30 июня (12 июля) 1843 г. его не стало. Умер он в Графенбергу (сейчас Есеник) в Чехии.

Отличную характеристику дал И. Н. Даниловичу известный украинский исследователь, доктор русской истории, ординарный профессор истории русского права М. Владимирский-Буданов (1838–1916): он был патриотом ВКЛ и "желал бы восстановить к жизни язык Статута 1588 г. С этой точки зрения Москва и Польша были для него одинаково чужды и одинаково близки как нации, что жили по-соседству, и родственные. То был романтик чистой воды; тогдашний общеевропейский исторический романтизм он перевел в личную жизнь" [9; 8, с. 166]. А вот характеристика профессора И. Лаппо. В капитальной монографии "Литовский Статут 1588 года" (т. 1, ч. 2, 1936) он считал профессора И. Даниловича "... лучшего для своего времени знатока литовского права" [10; 9, с. 510].

Хорошо посеянные Игнатом Николаевичем зерна по собиранию, обработке, объяснению и исследованию источников права дали прекрасные всходы. Его работу в XX в. продолжили известные белорусские исследователи профессор Н. Улащик и кандидат филологических наук В. Чемерицкий. Так что дело И. Даниловича живет и сегодня.

Выводы. Работы И. Даниловича оказали огромное влияние на дальнейшее исследование истории государства и права ВКЛ. В этом плане особенно выделяется киевская историко-правовая школа, которую представляли такие известнейшие ученые, как В. Антонович, М. Владимирский–Буданов, Ф. Леантович, М. Грушевский, В. Данилевич, Н. Дашкевич, И. Малиновский, М. Довнар-Запольский, Н. Максимейко и многие др. В этом его также большая заслуга, заслуга первого декана Киевского университета Игната Николаевича Даниловича.

Таким образом, научно-педагогический путь профессора И. Даниловича показывает, во-первых, что несмотря на политическое недоверие к ученому со стороны царского правительства, Игнат Николаевич смог открыть новое направление в юридической науке – историко-правовое, источниковедение. Многими его заключениями периода Великого Княжества Литовского историко-правовая наука пользуется и ныне. Во-вторых, его жизненный путь – образец гражданственности, мужества, верности своему Отечеству.

Список использованных источников:

1. Данилович И. О Литовских Летописях. *Журнал Министерства народного просвещения*. 1840. № 11. С. 70–114.

2. Латышонак А. Народзіны беларускай нацыянальнай ідэі. *Спадчына*. 1992. № 1. С. 10–11.

3. Старостина П. П. О месте Судебника Казимира 1468 г. в праве Великого княжества Литовского. *Культурные связи народов Восточной Европы XVI в.* Москва: Наука, 1976. С. 94–113.

4. Федута А. Филомат в Империи: Документальная повесть о Франтишке Малевском. Минск: Лимариус, 2019. 464 с.

5. Данилович И. О Литовском Статуте. *Журнал Министерства народного просвещения*. 1838. № 1–3. С. 374–388.

6. Данилович И. Взгляд на литовское законодательство и литовские Статуты. *Юридические записки, издаваемые П. Редкиным*. Москва: Университетская тип. 1841. С. 1–46.

7. Лаппо И. И. Литовский Статут 1588 года. Т. 1: Исследование. Ковно: SPINDULIO. Х., 1934. Ч. 1. 473 с.

8. Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя : ў 2 т. Мінск: БелЭн, 2005. Т. 1. 684 с.

9. Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского университета Св. Владимира. Киев, 1884. 166 с.

10. Лаппо И. И. Литовский Статут 1588 года. Т. 1: Исследование. Ковно: SPINDULIO. Х., 1936. Ч. 2. 591 с.

References:

1. Danylovych Y. O Lytovskyh Letopysjah [About Lithuanian Chronicles]. *Zhurnal Mynysterstva narodnogo prosveshhenyja*. 1840. № 11. S. 70–114 (in Russian).

2. Latyshonak A. Narodziny belaruskaj nacыjanal'naj idэi [People's Belarusian national idea]. *Spadchyna*. 1992. № 1. S. 10–11 (in Belarusian).

3. Starostyna P. P. O meste Sudebnyka Kazymyra 1468 g. v prave Velykogo knjazhestva Lytovskogo [On the place of Judicial Casimir in 1468 in the law of the Grand Duchy of Lithuania]. *Kul'turnyye svjazy narodov Vostochnoj Evropy v XVI v.* Moskva: Nauka, 1976. S. 94–113 (in Russian).

4. Feduta A. Fylomat v Ymperyy : Dokumental'naja povest' o Frantyshke Malevskom [Filomat in the Empire: A Documentary Tale of Frantishka Malevsky]. Mynsk: Lymaryus, 2019. 464 s. (in Russian).

5. Danylovych Y. O Lytovskom Statute [About the Lithuanian Statute]. *Zhurnal Mynysterstva narodnogo prosveshhenyja*. 1838. № 1–3. S. 374–388 (in Russian).

6. Danylovych Y. Vzgljad na lytovskoe zakonodatel'stvo y lytovskye Statuty [A look at Lithuanian law and the Lithuanian Statutes]. *Jurydycheskye zapysky, yzdavaemyye P. Redkynym*. Moskva: Unyversytetskaja typ. 1841. S. 1–46 (in Russian).

7. Lappo Y. Y. Lytovskyj Statut 1588 goda [Lithuanian Statute of 1588]. T. 1. Yssledovanye. Ch.1. Kovno: SPINDULIO, 1934. X. 473 s. (in Russian).

8. Vjalikae knjastva Litoўskae: jencyklapedyja ў 2 t. [Great principality Lithuanian: Encyclopedia of 2 m.]. T. 1. Minsk: BelЭn, 2005. 684 s. (in Belarusian).

9. Byografycheskyj slovar' professorov y prepodavatelej ymperatorskogo unyversyteta Sv. Vladymyra [Biographical Dictionary of Professors and Teachers of the Imperial University of St. Vladimir]. Kyev, 1884. S. 166 (in Russian).

10. Lappo Y. Y. Lytovskyj Statut 1588 goda [Lithuanian Statute of 1588]. T. 1. Ch. 2. Kovno: SPINDULIO. H. 1936. 591 s. (in Russian).

Received: 08/12/2019
1st Revision: 25/01/2020
Accepted: 15/02/2020

І. Сороковик, канд. іст. наук, доц.
Академія управління при Президенті Республіки Білорусь, Мінськ, Республіка Білорусь

Г. ДАНИЛОВИЧ – ПЕРШИЙ ДЕКАН ЮРИДИЧНОГО ФАКУЛЬТЕТУ КИЇВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ

Присвячено відомому вченому-юристу першої половини XIX ст., першому декану юридичного факультету Київського університету Святого Володимира професору Гнатові Миколайовичу Даниловичу (1788–1843). Автор з розрізнених відомостей постарався комплексно розкрити його науково-педагогічну діяльність. Незважаючи на недовіру до нього з боку імперської влади, він став родоначальником наукового дослідження права Великого Князівства Литовського, продовженого згодом українськими, російськими і білоруськими вченими.

Ключові слова: Г. Данилович, Вільно, Харків, Петербург, Київ, Москва, наука, університет, юриспруденція.

I. Sorokovyk, PhD (History), Associate Prof.
Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus

I. DANILOVICH AS THE FIRST DEAN OF THE FACULTY OF LAW AT KYIV UNIVERSITY

The article is devoted to the famous legal scholar of the first half of XIX century, the first Dean of the faculty of law at St. Volodymyr Kyiv University Professor Ignat Nikolaevich Danilovich (1788-1843). The article studies his scientific and pedagogical activities. The author emphasizes his role as the founder of the scientific study of the law of the Grand Duchy of Lithuania despite the distrust of the Imperial authorities. It is stated that this work was later continued by Ukrainian, Russian and Belarusian scientists.

Keywords: I. N. Danilovich, Vilno, Kharkiv, St. Petersburg, Kyiv, Moscow, legal science, a university, jurisprudence.

Bulletin of Taras Shevchenko National University of Kyiv.
Legal Studies, 2020; 1 (112): 57-61
УДК: 811.161.2'373.46
DOI: https:doi.org/10.17721/1728-2195/2020/1.112-11

ISSN 1728-2195
© Taras Shevchenko National University of Kyiv,
Publishing center "Kyiv University", 2020

І. Царьова, канд. філол. наук, доц.,
Р. Южека, асп.
Дніпропетровський державний університет внутрішніх справ, Дніпро, Україна

ТЕРМІНОЛОГІЯ ІНШОМОВНИХ СЛІВ У КРИМІНАЛЬНОМУ КОДЕКСІ УКРАЇНИ

Розкрито правову природу застосування термінології іншомовних слів у Кримінальному кодексі України. Проаналізовано терміни іншомовного походження у сфері права, досліджено шляхи запозичення термінів і номенів правничої терміносистеми. Проаналізовано склад української термінології щодо її походження. З'ясовано склад запозичень і визначено специфіку функціонування типів іншомовної лексики. Розглянуто проблему функціонування іншомовних лексичних запозичень в українському мовному середовищі. Визначено доцільність використання запозичених лексем у сучасній правничій термінології української мови. З'ясовано причини появи значної кількості запозичень у термінологічній лексиці права.

Обґрунтовано, що запозичення іншомовних терміноодиниць – закономірне об'єктивне явище, що не має істотних обмежень чи заборон, важливий засіб поповнення української правничої термінології. На відміну від питомих українських термінів на позначення відповідних юридичних понять, термінам-запозиченням більшою мірою властиві такі характерні ознаки, як точність, конкретність, однозначність, при цьому вони виявляють і високу словотвірну активність.

Ключові слова: походження, правнича термінологія, юридична термінологія, запозичення, міжмовна взаємодія, латинізми.

ВСТУП. Постановка проблеми. Питання запозичення в термінології як об'єктивний чинник її розвитку завжди актуальне. Запозичення іншомовних слів є одним із способів поповнення словникового складу будь-якої мови протягом усієї історії існування.

У сучасній українській мові вживаються слова, засвоєні з інших мов, що вливалися до складу української мови з різних джерел. Це, зокрема, економічні, правові, політичні та культурні взаємозв'язки українського народу з народами Заходу й Сходу, унаслідок чого українська мова перейняла значну кількість слів. Правнича термінологія української мови, що має іншомовні запозичені слова, тому не виняток. З огляду на це вважаємо актуальним дослідження термінології іншомовних слів у сучасній правознавчій науці, зокрема у кримінальному праві України.

Актуальність дослідження термінології іншомовних слів у Кримінальному кодексі України посилюється з недостатністю теоретичної розробленості, існуванням значної кількості дискусійних теоретичних і практичних питань щодо напрямів дослідження міжмовної взаємодії.

Мета статті. Головною метою цієї статті є дослідження питань доцільності використання лексичних запозичень у сучасній правничій термінології української мови, зокрема термінології кримінального права України.

Виклад основного матеріалу. Правнича термінологія починала утворюватися одночасно з виникненням права. Перші юридичні документи є основними джерелами виникнення правової термінології, юридичних конструкцій (*Закони Хаммурапі, Закони дванадцяти таблиць, Закони Ману, Варварські правди, Руська Правда, Саксонське зерцало*). Важливою рисою правничих термінів є їхній тісний зв'язок із різними політичними та правовими теоріями, науковими напрямами, певними суспільними традиціями, правовим досвідом. Розвиток української правничої термінології пов'язаний з історією української державності, національного права, української мови [1, с. 224].

Умовно виділяють лексико-семантичний і словотвірний аспекти термінотворення. В основу лексико-семантичного аспекту термінотворення покладено обґрунтування різних шляхів входження термінологі-

© Царьова І., Южека Р., 2020